

© 2023. Титова О. И.

Маскулинность и фемининность в социальном взаимодействии

оригинальная статья

Маскулинность и фемининность в социальном взаимодействии: сравнительный анализ

Титова Ольга Ивановна

Сибирский юридический институт МВД России, Россия, Красноярск

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, Россия, Красноярск

<https://orcid.org/0000-0002-9983-6144>

944058@mail.ru

Поступила в редакцию 26.01.2023. Принята после рецензирования 10.04.2023. Принята в печать 17.04.2023.

Аннотация: Система гендерных отношений, будучи консервативной, тем не менее претерпевает в современном обществе существенные изменения. Цель – выявить различия построения социального взаимодействия в группах людей с разным уровнем маскулинности и фемининности. Методы: авторский опросник гендерных установок; авторский опросник социального взаимодействия с людьми маскулинного и фемининного типов. Оценивались параметры взаимодействия: состязательность – поддержка, враждебность – симпатии, роль материальных – нематериальных ресурсов, сходство – различия ценностей, контроль, зависимость, частота контактов и продолжительность отношений. Проведен дисперсионный анализ ANOVA, T-test средних значений (IBM SPSS 27.0). Выборка исследования: 388 респондентов (43 % мужчин и 57 % женщин), 18–70 лет. Обнаружились отличия в оценках симпатий между людьми с разным гендерным типом, в оценках временного аспекта взаимодействия, в оценках соперничества и соревновательности, в оценках вынужденности взаимодействия, в оценках своей зависимости и зависимости партнера по взаимодействию, наличия контроля в отношениях, дружеской поддержки и взаимопомощи. Наибольшее количество статистически значимых особенностей выявлено во взаимодействии маскулинных людей с людьми фемининного типа: отмечают различия ценностей; не склонны считать их симпатичными людьми; соперничают с ними более, чем с другими; стремятся контролировать их действия; отмечают зависимость от себя; мало используют нематериальные ресурсы и др. Сделан вывод, что маскулинность и фемининность играют разную роль в организации социального взаимодействия. Влияние маскулинности более заметно с позиции субъекта взаимодействия, оно делает построение взаимодействия более избирательным. Фемининность имеет большую значимость в контексте учета особенностей партнера по взаимодействию. **Ключевые слова:** социальное взаимодействие, параметры, межгрупповое сравнение, маскулинность, фемининность, маскулинный тип, фемининный тип

Цитирование: Титова О. И. Маскулинность и фемининность в социальном взаимодействии: сравнительный анализ. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 645–654. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-645-654>

full article

Masculinity and Femininity in Social Interaction: An Intergroup Analysis

Olga I. Titova

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia, Krasnoyarsk

Krasnoyarsk State Pedagogical University, Russia, Krasnoyarsk

<https://orcid.org/0000-0002-9983-6144>

944058@mail.ru

Received 26 Jan 2023. Accepted after peer review 10 Apr 2023. Accepted for publication 17 Apr 2023.

Abstract: The system of gender relations, conservative as it may seem, is currently undergoing some major changes. This research addressed the differences in social interaction in groups of people with different levels of masculinity and femininity. It relied on authentic questionnaires of gender attitudes and social interaction for different gender types. Interaction parameters included competition vs. support, hostility vs. sympathy, material vs. non-material priorities, values, control, dependence, and frequency/time of relationships. The results were subjected to ANOVA and T-test

(IBM SPSS 27.0). The experiment involved 388 respondents (43% men, 57% women) aged 18–70 y.o. The gender type appeared to affect such aspects of relationships as time, sympathy, competitiveness, forced interaction, dependence on oneself and partner, control, friendly support, and mutual assistance. The largest number of statistically significant features belonged to the interaction between masculine and feminine types. They neither shared the same values nor sympathized with each other, had competitive and unequal relationships, expressed self-dependence, avoided non-material resources, etc. Masculinity and femininity proved to play different roles in the organization of social interaction. The effect of masculinity was more prominent in relationships, making masculine-type people pickier in their choice of partners. The participants with prevailing femininity tended to adapt to their partner's character profile.

Keywords: social interaction, parameters, intergroup comparison, masculinity, femininity, masculine type, feminine type

Citation: Titova O. I. Masculinity and Femininity in Social Interaction: An Intergroup Analysis. *SibScript*, 2023, 25(5): 645–654. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-645-654>

Введение

Проблемы гендерных отношений, гендерного поведения личности и группы, измеряемого маскулинностью и фемининностью, в последнее десятилетие с разной степенью частоты становятся объектом внимания в обществе. Обусловлено это тем, что система гендерных отношений, будучи едва ли не самой консервативной подсистемой общества, претерпевает в современных условиях существенные изменения. Вместе с тем процессы взаимодействия в этой сложной системе социальных отношений остаются мало изученными, что затрудняет оптимизацию общения и взаимодействия с учетом гендерного фактора.

Цель работы – выявить различия построения социального взаимодействия в группах людей с разным уровнем маскулинности и фемининности.

Анализ публикаций по теме позволил выделить несколько направлений исследований. Первое направление связано с изучением влияния содержания представлений о маскулинности и фемининности в обществе на отношения в разных сферах жизни. Так, И. С. Клецина и Е. В. Иоффе в исследовании гендерных норм и их связи с моделями маскулинности и фемининности представили теоретическую концепцию и методический подход к изучению гендерных норм традиционалистского и эгалитарного типов [Клецина, Иоффе 2023]. Установленная Е. В. Воропай полярность представлений о маскулинности и фемининности у современной молодежи интерпретируется в контексте трудностей адаптации в обществе и кризисных явлений в становлении гендерной идентичности [Воропай 2018]. Распространение в обществе гендерной толерантности приводит к размыванию границ традиционных гендерных норм [Урсова 2014]. Индивидуальное понимание конструкта *маскулинность – фемининность* учитывается В. А. Кочневым при выборе стратегии психотерапии дезадаптивного полоролевого поведения [Кочнев 2019]. Социальные представления о маскулинности и фемининности, их влияние на самооценку внешности легли в основу тренинга по снижению

влияния лукизма и лукофобии в молодежной среде [Шкурко, Дроздова 2019]. В исследовании представлений турецких мужчин о маскулинности Н. Eslen-Ziya, G. Fişek и Н. Boratav отмечают распространение эгалитарных гендерных норм в ведении домашнего хозяйства [Eslen-Ziya et al. 2021]. S. J. Stroessner и коллеги установили в экспериментах с восприятием геометрических фигур и форм влияние представлений о маскулинности и фемининности на категоризацию объектов окружающего мира [Stroessner et al. 2020].

Второе направление представлено исследованиями маскулинности и фемининности в связи с профессиональной деятельностью. Например, М. Lee и L. J. Gray обосновывают разрыв в оплате труда влиянием гендерных стереотипов [Lee, Gray 2021]. Двойные стандарты карьеры мужчин и женщин в связи с гендерными стереотипами профессионального спорта анализируются Т. V. Ryba и др. в глубинных интервью с молодыми спортсменами мужского и женского пола [Ryba et al. 2021]. Трудности привлечения школьников к востребованным в обществе STEM-профессиям обсуждаются в связи с гендерной культурой педагогов разных ступеней образования [Штылева 2018]. Маскулинность африканских полицейских проявляет себя во взаимодействии с жертвами домашнего насилия, создавая препятствия в борьбе с ним и снижая результативность профилактики [Yalley, Olutayo 2020]. В исследовании с участием российских сотрудников полиции установлена связь маскулинности с отношением к конкуренции и восприятием поддержки от коллег, а фемининности – с пониманием ответственного поведения и построением взаимодействия с опорой на симпатии и уважение [Титова 2020].

Третье направление исследований изучает роль маскулинности и фемининности в общении, а также взаимосвязи их с иными психологическими характеристиками. Например, восприятие эмоциональных манипуляций и характер эмпатии варьируется при гендерной угрозе [Grieve et al. 2019], в том числе при угрозе

маскулинности часто возникает дискомфорт и гнев, чего не наблюдается при подтверждении гендерной идентичности [Vescio et al. 2021]. У юношей и девушек с ростом маскулинности возрастает склонность к физической агрессии, снижается обидчивость и чувство вины; с ростом фемининности становится ниже физическая агрессия и выше раздражительность [Борисова, Бирякина 2016]. С ростом фемининности жизнестойкость личности возрастает за счет стремления к развитию и готовности извлекать опыт, с ростом маскулинности она возрастает за счет убежденности личности в своем влиянии на ситуацию [Титова 2021]. В исследованиях межгрупповых отношений S. Atwood и J. R. Axt установили, что при восприятии гендерно-конформных людей и андрогинных людей процессы социального познания различаются характером установок и скоростью оценивания других людей [Atwood, Axt 2021]. Наличие установки на трансгендерность, как показывают исследования N. Wittlin и коллег, определяет восприятие лица партнера по взаимодействию как менее мужественного или менее женственного [Wittlin et al. 2018]. Изучая предубеждения, D. S. Ma, J. Correll и B. Wittenbrink пришли к выводу, что чем четче определен прототип группы по своей гендерной и / или расовой принадлежности, тем более сильные стереотипы о ней возникают [Ma et al. 2018]. Отмечаются гендерные различия в построении медиативных отношений, выборе стиля регулирования конфликта в повседневном взаимодействии [Буткевич 2022]. Изучая причины воспроизводства гендерных стереотипов путем анализа изображений мужчин и женщин в СМИ, S. A. Lamer и M. Weisbuch установили связь восприятия мужчин как более сильных и доминирующих в обществе с традициями изображения мужчин более высокими, чем женщины [Lamer, Weisbuch 2019]. В статье E. D. Cohen описываются различия стилей взаимодействия обучающихся с преподавателями: женщины более склонны к инструментальному взаимодействию, а мужчины – к взаимодействию по поводу обсуждения идей и участия в исследованиях [Cohen 2018].

Для обоснования подхода к изучению межгрупповых особенностей социального взаимодействия людей с разным уровнем маскулинности и фемининности обратимся выборочно к исследованиям социальных групп [Балева 2018; 2019; Журавлёв, Емельянова 2009; Позняков 2018; Позняков, Титова 2014; Сушков 1999] и отметим несколько важных, на наш взгляд, моментов. Так, В. П. Позняков отмечает, что на современном этапе изучения групповых субъектов активно используются категории *представления, отношения, сознание* и т. п., ранее применявшиеся преимущественно для анализа индивидуальной психики [Позняков 2018: 33]. Механизм возникающей при этом групповой динамики

И. Р. Сушков описывает так: «люди обмениваются своими отношениями, и вместе с ощущением разделенности отношений совокупность индивидов, обладающая ими, начинает приобретать качества субъектности: начинают формироваться групповые границы, создается образ прототипного представителя группы, появляются специфические групповые феномены и т. п.» [Сушков 1999: 157]. В таком случае обмен отношениями и восприятие ситуации как межгрупповой возникает даже в случае простого присутствия представителей своей группы [Сушков 1999: 307].

Среди эмпирических исследований последних лет отметим работы М. В. Балевой по изучению ингрупповых и аутгрупповых стереотипов представителей гендерных групп [Балева 2018; 2019]. Для обоснования подхода к изучению условных групп как субъектов психологических отношений (на основе осознания ими своего сходства и / или отличий с другими), которые могут вступать в отношения с другими группами, приведем вывод М. В. Балевой: «сходство характеров также может являться основанием для осознания себя в качестве "одного из" условной группы "робких", "настоящих", "беспринципных" и т. д.» [Балева 2019: 79]. То есть основанием для формирования условной группы могут выступать и личностные качества. Аналогичный подход мы используем в анализе отношений групп, объединенных по выраженности маскулинности и фемининности: людей с высокой маскулинностью / высокой фемининностью к людям маскулинного / фемининного типов.

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 388 респондентов: 43 % мужчин и 57 % женщин; возраст – 18–70 лет.

Методы: авторский опросник гендерных установок для оценки уровня маскулинности и фемининности респондентов [Титова 2021], разработанный на основе понимания маскулинности и фемининности, предложенного Г. Хофстеде. Маскулинность определяется им через различия между мужчинами и женщинами, их разные роли в семье, различия в эмоциональной сфере и реализуемых жизненных устремлениях. Фемининность же характеризуется сходством ролей мужчин и женщин в семье, сходством их эмоциональной сферы и поведения. В опросник вошло 18 установок маскулинного и фемининного типа. Респондентам предлагалось оценить, насколько они разделяют установки, используя 5-балльную шкалу с вариантами ответов: нет; скорее нет, чем да; ни то, ни другое; скорее да, чем нет; да.

Также использовался авторский опросник социального взаимодействия, с помощью которого респонденты оценивали свое взаимодействие с двумя типами людей. Первый тип характеризуют черты: склонность

к лидерству, смелость, напористость, способность руководить, доминирование (маскулинный тип). Второй тип характеризуют черты: стремление утешить, нежность, склонность к проявлению чувств, дружелюбие, мягкость в высказываниях (фемининный тип). Описание составлено на основе черт личности маскулинного и фемининного типов из российского аналога опросника С. Бем [Лопухова 2013].

Анализируются параметры взаимодействия: состоятельность – поддержка, враждебность – симпатии, роль материальных – нематериальных ресурсов, сходство – различия ценностей, контроль, зависимость, частота контактов и продолжительность отношений. На их основе сформулированы 22 утверждения, характеризующие взаимодействие: от лица респондента (например: *я зависю от этого человека*); адресованы партнеру (*этот человек зависит от меня*); обобщенно (*у нас различные ценности*). Респондентам предлагалось оценить, насколько точно утверждения характеризуют их взаимодействие с каждым из двух типов людей, описание которых давалось с помощью представленных выше наборов черт. Для оценки использовалась 5-балльная шкала, где 1 – полностью неверно, 5 – полностью верно.

Математико-статистические методы: дисперсионный анализ ANOVA, T-test средних значений (выполнены с использованием IBM SPSS 27.0).

Гипотеза: взаимодействие с людьми маскулинного и фемининного типов в группе респондентов с высокой маскулинностью будет иметь больше различий, чем в группе респондентов с высокой фемининностью.

Для межгруппового анализа параметров социального взаимодействия проведен сравнительный анализ среднегрупповых показателей социального взаимодействия людей с высоким уровнем маскулинности / фемининности с людьми маскулинного / фемининного типов. Далее описаны результаты анализа только тех параметров социального взаимодействия, по которым выявлены статистически значимые различия.

Результаты

Для определения уровня маскулинности и фемининности респондентов была проведена стандартизация полученных данных с использованием процентильной шкалы n-стеннов. Респонденты, чьи индивидуальные значения соответствуют 8, 9 или 10 стенам, отнесены к подгруппе с высоким уровнем маскулинности, аналогичным образом определены респонденты с высоким уровнем фемининности. Респонденты, у которых одновременно обе характеристики – маскулинность и фемининность – соответствуют высокому (андрогинность) или низкому уровню, на данном этапе исследования в анализе не участвовали.

Анализ показал несколько отличительных особенностей социального взаимодействия респондентов с высокой маскулинностью / фемининностью с людьми маскулинного / фемининного типов. Отличия обнаружались по таким характеристикам, как оценка симпатий к людям того или иного гендерного типа, временной аспект взаимодействия, оценка соперничества и соревновательности в отношениях, оценка вынужденности взаимодействия, субъективное восприятие своей зависимости и зависимости партнера по взаимодействию, наличие контроля в отношениях, дружеской поддержки и взаимопомощи. На основе результатов дисперсионного анализа ANOVA опишем их более подробно, сопоставляя показатели разных групп между собой (табл. 1).

Во-первых, обратимся к временному аспекту взаимодействия. Характеризуя отношения с людьми фемининного типа, респонденты с высоким уровнем фемининности отмечают долгосрочный характер взаимодействия между ними, по сравнению с респондентами с низким уровнем фемининности ($p = 0,027$). При этом группы с высоким и низким уровнем маскулинности по этому показателю взаимодействия почти не отличаются друг от друга. Интересно отметить, что этот же самый аспект отношений – долгосрочный характер взаимодействия – респонденты с высоким уровнем маскулинности отмечают как присущий их отношениям с людьми маскулинного типа ($p = 0,031$), что отличает их от респондентов с низким уровнем маскулинности. Между респондентами же с высокой и низкой фемининностью различия по этому параметру минимальны. Таким образом, долгосрочный характер взаимодействия субъекты отношений отмечают с представителями гендерных групп, подобных им по гендерным характеристикам: маскулинные – с маскулинными, фемининные – с фемининными.

Во-вторых, во взаимодействии с людьми фемининного типа респонденты с высокой маскулинностью несколько чаще соревнуются с ними и соперничают ($p = 0,001$). Хотя в целом такой формат взаимодействия они оценивают как относительно редкий и не свойственный им в отношениях с людьми фемининного типа. Фемининные респонденты соперничают и соревнуются с людьми фемининного типа еще реже, чем маскулинные респонденты. Возможно, это связано с тем, что люди фемининного типа воспринимаются маскулинными людьми как недостаточно сильные по своим личностным характеристикам соперники, с которыми потому не стоит соревноваться и вступать в конкурентные отношения. Напомним, что людей фемининного типа отличают такие личностные черты, как стремление утешить, нежность, склонность к проявлению чувств, дружелюбие и мягкость высказываний.

Табл. 1. Параметры социального взаимодействия респондентов с разным уровнем маскулинности и фемининности
Tab. 1. Social interaction parameters in respondents with different levels of masculinity and femininity

Характеристики отношений	Сравниваемые группы		Среднее, М	Ст. откл., σ	р
Долгосрчный характер взаимодействия с людьми фемининного типа	по фемининности	высокая	3,81	0,827	0,027
		низкая	3,46	0,996	
	по маскулинности	высокая	3,53	0,968	-
		низкая	3,6	0,851	
Оценка соревнования и соперничества в отношениях с людьми фемининного типа	по маскулинности	высокая	2,43	1,144	0,001
		низкая	1,97	0,934	
	по фемининности	высокая	2,09	1,027	-
		низкая	2,31	1,106	
Оценка симпатии к людям фемининного типа	по маскулинности	высокая	3,43	1,166	0,014
		низкая	3,85	0,844	
	по фемининности	высокая	3,78	0,826	-
		низкая	3,56	1,142	
Оценка вынужденности и отсутствия интереса к взаимодействию с людьми фемининного типа	по маскулинности	высокая	2,19	0,907	0,011
		низкая	1,96	0,75	
	по фемининности	высокая	2,11	0,918	-
		низкая	2,11	0,952	
Оценка своего контроля действий людей фемининного типа	по маскулинности	высокая	2,66	1,083	0,046
		низкая	2,43	1,0	
	по фемининности	высокая	2,52	1,039	-
		низкая	2,66	1,068	
Оценка зависимости от себя людей маскулинного типа	по маскулинности	высокая	2,18	0,936	0,005
		низкая	1,87	0,731	
	по фемининности	высокая	2,03	0,805	-
		низкая	2,06	0,877	
Оценка зависимости от себя людей фемининного типа	по маскулинности	высокая	2,69	1,068	0,008
		низкая	2,25	1,0	
	по фемининности	высокая	2,44	0,963	-
		низкая	2,53	1,052	
Оценка дружеской поддержки и взаимопомощи в отношениях с людьми маскулинного типа	по маскулинности	высокая	3,09	0,938	0,043
		низкая	2,85	0,91	
	по фемининности	высокая	2,94	0,992	-
		низкая	3,07	0,935	
Долгосрчный характер взаимодействия с людьми маскулинного типа	по маскулинности	высокая	3,17	0,959	0,031
		низкая	2,89	0,873	
	по фемининности	высокая	3,0	0,952	-
		низкая	3,02	0,969	

Прим.: Курсивом выделены данные, приведенные для сравнения с аналогичными параметрами социального взаимодействия другой гендерной группы.

Респонденты с высокой маскулинностью и с высокой фемининностью отмечают, что в целом их взаимодействие с людьми фемининного типа не является вынужденным и достаточно интересно. Вместе с тем среди респондентов с высокой маскулинностью все-таки чаще других указывается на отсутствие интереса и в некоторой степени вынужденный характер взаимодействия с людьми фемининного типа ($p = 0,011$). Возможно, это объясняется тем, что маскулинные респонденты чаще отмечают разницу в ценностях с людьми фемининного типа ($p = 0,028$), реже оценивают людей с фемининными чертами характера как симпатичных и приятных ($p = 0,05$). По этой характеристике взаимодействия наблюдаются выразительные межгрупповые отличия: фемининные респонденты чаще оценивают других фемининных людей как приятных, вызывающих симпатию. При этом респонденты с высокой маскулинностью гораздо реже респондентов с низкой маскулинностью склонны считать людей фемининного типа приятными и симпатичными во взаимодействии ($p = 0,014$).

В-третьих, характеризуя свое взаимодействие с людьми фемининного типа, маскулинные респонденты чаще отмечают наличие со своей стороны контроля ($p = 0,046$) и зависимость людей фемининного типа от них ($p = 0,008$). Респонденты с низким уровнем маскулинности отмечают, что изредка они контролируют действия людей фемининного типа, но еще реже считают, что те находятся в зависимости от них. По всей видимости, в таком характере построения взаимодействия маскулинными респондентами проявляется патерналистская позиция по отношению к людям фемининного типа, которые стереотипно воспринимаются более слабыми, нуждающимися в опеке и покровительстве со стороны стремящихся к доминированию людей с маскулинными чертами.

В отличие от воспринимаемой зависимости людей с фемининными чертами, описанной нами выше, зависимость от себя людей с маскулинными чертами респонденты с высокой маскулинностью оценивают иначе. Они считают, что зависимость между двумя маскулинными людьми возникает во взаимодействии гораздо реже ($p = 0,005$), чем зависимость фемининной личности от маскулинной. Люди с высокой и низкой фемининностью оценивают ее почти одинаково – как мало проявляющуюся в их взаимодействии с человеком, обладающим маскулинными чертами, а респонденты с низкой маскулинностью вообще не склонны считать, что от них может зависеть смелый, напористый, способный руководить человек.

Присутствуют значимые отличия между маскулинными и фемининными респондентами в восприятии ими дружеской поддержки и взаимопомощи

в отношениях с людьми маскулинного типа. Респонденты с высокой маскулинностью считают, что им она более свойственна как основа отношений с людьми маскулинного типа, чем респонденты с низкой маскулинностью ($p = 0,043$). И в этом они сильно схожи в своем восприятии взаимодействия с респондентами с низкой фемининностью, которые практически аналогично описали свое взаимодействие с маскулинными людьми как основанное на дружеской поддержке и взаимопомощи.

Дополним полученные данные результатами T-test средних значений в группах респондентов с высокой маскулинностью и высокой фемининностью по тем параметрам, по которым обнаружили значимые различия. Во-первых, подтвердились отмеченные выше отличия: маскулинные респонденты чаще вступают в соревнование и соперничество с людьми фемининного типа ($p = 0,007$), чем фемининные респонденты. Во-вторых, подтвердилось, что действительно фемининные респонденты считают людей фемининного типа чаще более приятными и симпатичными, чем маскулинные респонденты.

Вместе с тем обнаружили новые особенности по изучаемым параметрам – они касаются роли нематериальных ресурсов (имеющегося опыта отношений, нематериальных благ, социального статуса и т. п.) во взаимодействии с людьми фемининного типа. Фемининные респонденты считают, что сами они чаще используют нематериальные ресурсы во взаимодействии с людьми фемининного типа (ср. зн. = 3,9; ст. откл. = 0,743), чем отмечают использование этого типа ресурсов маскулинные респонденты (ср. зн. = 3,41; ст. откл. = 1,137). Обе группы респондентов – и маскулинные, и фемининные – считают неверным утверждение, что люди фемининного типа во взаимодействии с ними акцентируют свое внимание на нематериальных ресурсах (отношениях, статусе) ($p = 0,01$). Но при этом маскулинные респонденты воспринимают использование людьми фемининного типа нематериальных ресурсов во взаимодействии как гораздо менее соответствующее действительности обстоятельство (ср. зн. = 2,18; ст. откл. = 0,821), чем воспринимают и оценивают этот аспект взаимодействия фемининные респонденты (ср. зн. = 2,23; ст. откл. = 0,751).

Таким образом, при взаимодействии с фемининными людьми нематериальные ресурсы чаще используются фемининными респондентами, они чаще замечают их применение людьми фемининного типа, чем маскулинные респонденты.

Для наглядности на основе выявленных особенностей социального взаимодействия маскулинных и фемининных респондентов с людьми маскулинного и фемининного типов мы составили сводную таблицу (табл. 2). Достаточно наглядно, что число характеристик,

статистически значимо отличающих взаимодействие маскулинных и фемининных людей, варьируется в зависимости от конкретного сочетания – кто с кем взаимодействует, что указывает на определенную избирательность в построении взаимодействия представителями изучаемых гендерных групп.

Несмотря на то что в фокусе внимания на данном этапе исследования находилось изучение гендерных различий построения социального взаимодействия, на примере двух наиболее гендерно-зависимых параметров мы проанализировали, как варьируются психологические характеристики маскулинных и фемининных респондентов в зависимости от их пола. Маскулинные мужчины соревнуются и соперничают с людьми фемининного типа реже (2,19 балла), чем маскулинные женщины (2,58 балла). Фемининные мужчины соревнуются и соперничают с людьми фемининного типа в большей степени (2,45 балла), чем маскулинные мужчины (2,19 балла); среди женщин, наоборот, маскулинные женщины соревнуются и соперничают с ними больше (2,58 балла), чем фемининные женщины (1,94 балла). Если расположить респондентов с учетом их гендерных характеристик и пола по убыванию и так мало свойственного им соревнованию

и соперничества с фемининными людьми, то порядок следующий: маскулинные женщины, фемининные мужчины, маскулинные мужчины, фемининные женщины.

Оценивать людей фемининного типа как приятных и вызывающих симпатию маскулинным женщинам свойственно больше (3,9 балла), чем маскулинным мужчинам (3,23 балла); фемининным мужчинам – больше (3,8 балла), чем маскулинным мужчинам (3,23 балла); фемининным мужчинам и фемининным женщинам – примерно одинаково (3,8 и 3,81 балла соответственно); между фемининными и маскулинными женщинами различия есть, но они невелики (3,81 и 3,9 балла соответственно). В порядке убывания симпатий к людям фемининного типа подгруппы респондентов располагаются следующим образом: маскулинные женщины, фемининные женщины, фемининные мужчины, маскулинные мужчины.

Анализ показывает нелинейную связь гендерных характеристик и пола респондентов в построении взаимодействия. Так, на оценки по маскулинному параметру взаимодействия (соревнование и соперничество) с представителями психологически ему противоположной гендерной группы (людей фемининного типа) более влияют гендерные характеристики респондента,

Табл. 2. Сравнительная характеристика социального взаимодействия маскулинных и фемининных респондентов с людьми маскулинного и фемининного типов

Tab. 2. Social interaction of masculine and feminine respondents with people of masculine and feminine types: a comparative analysis

Респонденты	Во взаимодействии с людьми маскулинного типа	Во взаимодействии с людьми фемининного типа
Маскулинные	<ul style="list-style-type: none"> редко отмечают их зависимость от себя склонны строить взаимодействие с опорой на дружескую поддержку и взаимопомощь отмечают долгосрочный характер своего взаимодействия отмечают увеличение контактов друг с другом 	<ul style="list-style-type: none"> отмечают различия в ценностях не склонны считать их симпатичными и приятными людьми соперничество и соревнование присутствует в их взаимодействии более, чем с другими, но в целом к нему не склонны иногда их взаимодействие имеет вынужденный характер и сопровождается сниженным интересом к нему чаще стремятся контролировать их действия в большей мере отмечают зависимость от себя считают, что они мало используют нематериальные ресурсы
Фемининные	Статистически значимых особенностей не обнаружено	<ul style="list-style-type: none"> больше симпатизируют людям этого типа, считают их приятными отмечают долгосрочный характер своего взаимодействия чаще, чем другие, используют в своем взаимодействии нематериальные ресурсы, в том числе опыт отношений

а не его пол. В отношении фемининного по своей природе параметра симпатий, эмоций, испытываемых в адрес людей фемининного типа, пол респондента является, наоборот, более определяющим, чем его гендерные характеристики.

Заключение

Сделаем несколько основных выводов о построении социального взаимодействия людей с высокой маскулинностью и фемининностью с людьми маскулинного и фемининного типов.

Во взаимодействии маскулинных людей с людьми фемининного типа имеется наибольшее количество статистически значимых различий, т. е. наиболее дифференцированно строятся отношения по сравнению с другими вариантами межгруппового анализа. Далее по количеству особых характеристик следуют отношения маскулинных с маскулинными и фемининных с фемининными, не выявлено ни одного параметра, статистически значимо отличающего взаимодействие фемининных с маскулинными. В целом это подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Люди с высоким уровнем маскулинности / фемининности, т. е. обладающие выраженным гендерным типом, во взаимодействии с людьми фемининного типа обнаруживают большую избирательность и характеризуют его более разносторонне, чем во взаимодействии с людьми маскулинного типа, где такая избирательность меньше либо не выявляется совсем.

Таким образом, маскулинность и фемининность играют разную роль в организации социального взаимодействия. Маскулинность имеет большее значение

для дифференцированного построения взаимодействия с точки зрения действующего субъекта, например, иницирующего его, активно себя проявляющего, а фемининность играет большую роль с точки зрения учета особенностей партнера по взаимодействию при его построении.

В ходе исследования обнаружилось противоречие. Оно заключается в том, что респонденты с высокой фемининностью, т. е. на уровне гендерных установок не делающие различий между мужчинами и женщинами по их социальным и психологическим характеристикам, при оценивании взаимодействия с разными типами людей в отношении людей маскулинных (стереотипно ассоциируются с мужчинами) таких различий действительно не демонстрируют, а в отношении фемининных (ассоциируются с женщинами) их демонстрируют – в виде осознаваемых особенностей взаимодействия. Возникает вопрос, а как будет восприниматься взаимодействие, если оцениваемым субъектом-партнером взаимодействия будут выступать не люди маскулинного и фемининного типов, а конкретно мужчины и женщины? Это могло бы стать предметом изучения в последующих исследованиях. Также требует дальнейшего изучения то, как сочетание пола и гендерных характеристик проявляется в построении социального взаимодействия.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Балева М. В. Влияние произвольной групповой самоидентификации на социальную перцепцию групп разного типа. *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 68. С. 109–130. [Baleva M. V. The effects of ingroup self-identity on the social perception of different groups. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, (68): 109–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/68/7>
- Балева М. В. Другой, похожий на меня: особенности внутригрупповой перцепции юношей и девушек с разной выраженностью негативных черт личности. *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 74. С. 64–87. [Baleva M. V. The other person, similar to me: particularities of intragroup perception of young men and women with different levels of negative personality traits. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2019, (74): 64–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/74/4>
- Борисова И. В., Бирякина В. И. Гендерные особенности агрессивности юношей и девушек. *Казанский педагогический журнал*. 2016. № 1. С. 192–198. [Borisova I. V., Biryakina V. I. The gender issues of aggression of boys and girls. *Kazan Pedagogical Journal*, 2016, (1): 192–198. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhnqj>
- Буткевич А. Ю. Гендерные различия в соблюдении принципов медиативных отношений в повседневном взаимодействии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 482–492. [Butkevich A. Yu. Gender differences in the principles of mediative relations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 482–492. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-482-492>
- Воропай Е. В. Маскулинность и фемининность в представлениях современной молодежи. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2018. Т. 7. № 6А. С. 5–15. [Voropai E. V. Masculinity and femininity

- in the views of modern youth. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2018, 7(6A): 5–15. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zahmip>
- Журавлёв А. Л., Емельянова Т. П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов. *Психологический журнал*. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15. [Zhuravlev A. L., Emelyanova T. P. Psychology of big social groups as collective subjects. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2009, 30(3): 5–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kavpux>
- Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2023. 144 с. [Kletsina I. S., Ioffe E. V. *Gender norms as a socio-psychological phenomenon*. Moscow: Prospekt, 2023, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfwary>
- Кочнев В. А. Конструкт «маскулинность – фемининность» в полоролевом поведении личности: исследование в методе позитивной психотерапии на примере супружеских пар. М.: Диона, 2019. 308 с. [Kochnev V. A. *Masculinity-femininity construct in gender-role personality behavior: A study in the method of positive psychotherapy of married couples*. Moscow: Diona, 2019, 308. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rjkezp>
- Лопухова О. Г. Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (русский аналог "Bem sex role inventory"). *Вопросы психологии*. 2013. № 1. С. 147–154. [Lopukhova O. G. The questionnaire Masculinity, femininity and the gender type of personality (the Russian analogue of Bem sex role inventory). *Voprosy Psikhologii*, 2013, (1): 147–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rvvjlp>
- Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: ИП РАН, 2018. 530 с. [Poznyakov V. P. *Psychological relations of individual and group subjects of joint economic activity*. Moscow: IP RAS, 2018, 530. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpzlvb>
- Позняков В. П., Титова О. И. Особенности отношений предпринимателей мужчин и женщин к конкуренции и партнерству в деловом взаимодействии. *Психологический журнал*. 2014. Т. 35. № 4. С. 5–17. [Poznyakov V. P., Titova O. I. Peculiarities of attitudes of men and women entrepreneurs to competition and partnership in business cooperation. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2014, 35(4): 5–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sjvwil>
- Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. М.: Акад. Проект; Екатеринбург: ИП РАН, 1999. 448 с. [Sushkov I. R. *Psychology of relationships*. Moscow: Akad. projekt; Ekaterinburg: IP RAS, 1999, 448. (In Russ.)]
- Титова О. И. Взаимосвязь гендера и жестокости в социальном взаимодействии. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2021. № 2. С. 111–126. [Titova O. I. The relationship of gender and hardness in social interaction. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, (2): 111–126. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-2-111-126>
- Титова О. И. Гендер и толерантность к неопределенности как факторы взаимодействия в деятельности сотрудников полиции. *Человеческий капитал*. 2020. № 12. С. 191–202. [Titova O. I. Gender and tolerance of uncertainty as factors of interaction in police activities. *Human capital*, 2020, (12): 191–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25629/НС.2020.12.19>
- Урусова Л. Х. Гендерная толерантность в современном обществе. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 2-2. С. 122–124. [Urusova L. Kh. Gender tolerance in the modern society. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (2-2): 122–124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smmxep>
- Шкурко Т. А., Дроздова И. И. Разработка и апробация программы снижения влияния лукизма, бьютизма и лукофобии в молодежной среде. *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2019. Т. 29. № 4. С. 450–457. [Shkurko T. A., Drozdova I. I. Development and approval of the program for reducing the influence of lookism, beautyism and lookophobia in the youth environment. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, 29(4): 450–457. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2019-29-4-450-457>
- Штылева Л. В. Гендерный компонент педагогической культуры и проблема ориентации девочек на STEM-образование и STEM-профессии. *Женщина в российском обществе*. 2018. № 3. С. 49–66. [Shtyleva L. V. Gender component of pedagogical culture and the problem of orientation of girls at STEM-education and STEM-professions. *Woman in Russian Society*, 2018, (3): 49–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.5>
- Atwood S., Axt J. R. Assessing implicit attitudes about androgyny. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2021, 96. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2021.104162>
- Cohen E. D. Gendered styles of student-faculty interaction among college students. *Social Science Research*, 2018, 75: 117–129. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2018.06.004>
- Eslen-Ziya H., Fişek G. O., Boratav H. B. Everyday gendered performances at home: Masculine domesticity? *Social Sciences & Humanities Open*, 2021, 3(1). <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2021.100112>

- Grieve R., March E., Van Doorn G. Masculinity might be more toxic than we think: The influence of gender roles on trait emotional manipulation. *Personality and Individual Differences*, 2019, 138: 157–162. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.09.042>
- Lamer S. A., Weisbuch M. Men over women: The social transmission of gender stereotypes through spatial elevation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2019, 84. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2019.103828>
- Lee M., Kray L. J. A gender gap in managerial span of control: Implications for the gender pay gap. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2021, 167: 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2021.06.001>
- Ma D. S., Correll J., Wittenbrink B. The effects of category and physical features on stereotyping and evaluation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2018, 79: 42–50. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2018.06.008>
- Ryba T. V., Ronkainen N. J., Douglas K., Aunola K. Implications of the identity position for dual career construction: Gendering the pathways to (Dis)continuation. *Psychology of Sport and Exercise*, 2021, 53. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2020.101844>
- Stroessner S. J., Benitez J., Perez M. A., Wyman A. B., Carpinella C. M., Johnson K. L. What's in a shape? Evidence of gender category associations with basic forms. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2020, 87. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2019.103915>
- Vescio T. K., Schermerhorn N. E. C., Gallegos J. M., Laubach M. L. The affective consequences of threats to masculinity. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2021, 97. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2021.104195>
- Wittlin N. M., Dovidio J. F., LaFrance M., Burke S. E. About face: Memory for transgender versus cisgender targets' facial appearance. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2018, 78: 77–92. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2018.04.009>
- Yalley A. A., Olutayo M. S. Gender, masculinity and policing: An analysis of the implications of police masculinised culture on policing domestic violence in southern Ghana and Lagos, Nigeria. *Social Sciences & Humanities Open*, 2020, 2(1). <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100077>